

ся такими ничтожествами! Новѣдъ мы и не занимались ими, а лишь коснулись ихъ мимоходомъ. Напрасно, впрочемъ, критикъ совѣтуетъ намъ заняться изученіемъ какихъ то обстоятельствъ, задерживающихъ выполненіе этого дѣла,—дѣла, по его же мнѣнію, ничтожнѣйшаго, не стоящаго вниманія. Если уже дѣло пошло на совѣты, то я съ своей стороны предложилъ бы г-ну Дринову относиться деликатнѣе къ чужимъ мнѣніямъ и быть осторожнѣе въ своихъ собственныхъ выраженіяхъ.

Порта, замѣчаетъ далѣе г-нъ Дриновъ, „сама не выполнила въ точности берлинскихъ постановленій и г-нъ Надлеръ совсѣмъ упустилъ это изъ виду“. Упустилъ ли? Я сказалъ лишь, что Порта выполнила большую часть обязательствъ, и только. Что она не выполнила нѣкоторыя другія, это извѣстно мнѣ также хорошо, какъ и г-ну Дринову. Насколько, впрочемъ, важны такія статьи, какъ дарованіе органическихъ статутонъ европейскимъ провинціямъ Порты, и насколько выполнены для Порты обезпеченіе Арменіи отъ курдовъ и черкесовъ, а также уплата контрибуціи Россіи, объ этомъ представляемъ судить безпристрастному, свѣдущему читателю.

Изъ всѣхъ разобранныхъ до сихъ поръ замѣчаній и упрековъ, дѣлаемыхъ намъ г-номъ Дриновымъ, ясно вытекаетъ одно главное, я не затрудняюсь сказать, недостойное обвиненіе. Нашъ критикъ хочетъ уличить меня въ какомъ то туркофильствѣ, въ сочувствіи турецкому режиму. Но нелѣпость этого обвиненія настолько очевидна, что я считаю лишнимъ говорить о ней что-либо.

„Еще одна немаловажная неточность, также касающаяся Берлинскаго договора“, говоритъ г-нъ Дриновъ. „Не на двѣ, а на цѣлыхъ пять частей разорвала Европа Болгарію, г-нъ Надлеръ, видно, и не подозреваетъ, что въ княжествѣ и восточной Румелии помѣщается лишь половина болгарскаго народа, ему, видно, неизвѣстно, что Европа отдала одну часть Болгаріи Турціи, другую Румыніи, третью Сербіи“. Затѣмъ, критикъ, по своему обычаю, предлагаетъ мнѣ заняться изученіемъ этихъ разорванныхъ частей Болгаріи, считая это дѣло для меня болѣе полезнымъ, нежели высшія соображенія о роли той или другой изъ державъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Утверждая все это, г-нъ Дриновъ впадаетъ изъ недоразумѣнія въ недоразумѣніе, и ужъ дѣйствительно выворачиваетъ все на выворотъ. Я говорилъ о раздѣленіи на двѣ части Болгаріи Берлинскаго трактата, ему угодно говорить о раздѣленіи Болгаріи договора Санъ-Стефанскаго. Ему угодно утверждать, что Македонія, отданная обратно туркамъ, страна чисто болгарская, а намъ извѣстно, что въ Македоніи наравнѣ съ болгарами живутъ и сербы, и греки, и турки. Для него не подлежитъ сомнѣнію, что Добруджа—область болгарская, и что она отнята у болгаръ Европою, мы же знаемъ, что болгары, въ Добруджѣ, составляютъ меньшинство, и что область эта предоставлена Румыніи самою Россіею, взаимнѣ Бессарабіи, по Санъ-Стефанскому миру. Старая Сербія въ глазахъ г-на Дринова—тоже часть Болгаріи, но почему же? Въ ней живутъ болгары; жаль только, прибавимъ мы, что не одни, а вмѣстѣ съ сербами и арнаутами. Преклоняясь предъ этнографическими свѣдѣніями г-на Дринова, я заявляю въ то же время, что новый принципъ, выставленный бывшимъ болгарскимъ министромъ, можетъ быть примѣненъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Вѣдь болгары живутъ и въ Албаніи и въ Румыніи и въ южной Россіи, чтожъ думать долго: надо присоединить и всѣ эти страны къ великому болгарскому царству будущаго. Совѣтуемъ же г-ну Дринову заняться изученіемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ частей будущей единой и нераздѣльной Болгаріи.

Уличивъ меня въ столькихъ неточностяхъ и непониманіяхъ Берлинскаго договора и сочтя излишнимъ останавливаться на другихъ весьма курьезныхъ неточностяхъ, встрѣчающихся въ моей статьѣ и относящихся къ болѣе отдаленнымъ отъ насъ, по времени, ис-

торическимъ событіямъ (прошу обратить вниманіе на этотъ огульный и голословный способъ обвиненія), нашъ критикъ обращается, затѣмъ, къ главному обвиненію противъ меня. „Болгаръ княжества, говоритъ онъ, авторъ называетъ полудикарями, людьми коснѣющими въ первобытномъ невѣжествѣ, находящимися почти на степени животныхъ, а между тѣмъ, изъ статистическихъ данныхъ, обнародованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, оказывается, что въ странѣ этихъ животныхъ нѣтъ почти села, гдѣ бы не было школы, и что большая часть этихъ школъ существовала и до послѣдней войны“. Здѣсь, могъ бы сказать я, слѣдую примѣру моего критика, что ни слово, то неточность, или недоразумѣніе. Я высказалъ мысль, что для народа, доведеннаго вѣковыми турецкимъ рабствомъ до состоянія глубочайшаго варварства, не годится либеральная конституція, данная ему, теперь я узнаю, что сельскія школы, существующія въ Болгаріи, вполне приготовили ее для воспріятія парламентаризма въ его послѣднемъ улучшенномъ изданіи.

Далѣе г-нъ Дриновъ дѣлаетъ замѣчательное открытіе, что не Европа, а Россія освободила Болгарію, жаль только, что это открытіе было давно извѣстно не только автору „послѣдней фазы восточнаго вопроса“, но и всему міру. Болгарская конституція, внушаетъ намъ г-нъ Дриновъ, выработана свободно избранными представителями болгарскаго народа, никто не навязывалъ ее болгарамъ княжества. Такъ, возражаю я, по статьѣ IV и слѣдующія Берлинскаго договора установили уже въ принципѣ форму болгарскаго правленія, о томъ же, какъ вырабатываются конституціи, подобныя болгарской, и насколько выражаются въ нихъ желанія народа, я считаю излишнимъ терять много словъ. Что г-нъ Дриновъ лучше меня знаетъ составъ болгарскаго собранія, что онъ вполне понимаетъ сокровенное значеніе слова „чорбаджи“, съ этимъ я охотно соглашаюсь, но все это нисколько не мѣшаетъ мнѣ настаивать на общей вѣрности той картины софійскаго парламента, которую набросалъ я въ своей статьѣ. Я рисовалъ эту картину не съ нѣмецкихъ шутовскихъ листовъ, а съ изображеній идущихъ изъ источниковъ, довѣрять которымъ я имѣю полное основаніе. Не моя вина, если картина приходится не по вкусу бывшему министру.

Кому неизвѣстны же въ самомъ дѣлѣ жалкія комедіи, разыгрываемыя въ Софіи, эти парламентскія бури и министерскіе кризисы, столь же смѣшныя, какъ и жалкіе? Я подтвердилъ мою характеристику софійскаго парламента указаніемъ на два результата его дѣятельности, но и тутъ г-ну Дринову угодно было усмотрѣть, съ моей стороны, злостное и преднамѣренное искаженіе. Не смотря на всѣ свои усилія, г-нъ Дриновъ не могъ отгадать, о какомъ законѣ, вызвавшемъ veto князя Александра, говорю я, совѣтую ему погадать еще и не забыть при этомъ справиться съ статью 5-ю Берлинскаго договора. Отъ г-на же Дринова узналъ я впервые, что источникомъ нѣкоторыхъ странныхъ дѣйствій софійскаго парламента является, съ одной стороны, извѣстная деликатность болгаръ, а, съ другой, непомѣрная притязательность русскихъ офицеровъ.

Я окончиваю мой отвѣтъ. Г-нъ Дриновъ находитъ, что, при изложеніи фактовъ, я пользуюсь широкою свободою; полагаю, что свобода моего критика несравненно шире моей. Эта свобода не ограничивается у него подтасовкою фактовъ, она выражается еще рельефнѣе во всемъ способѣ и тонѣ его полемики.

В. Надлеръ.

пользу Турціи. Во всемъ этомъ, говоритъ г-нъ Дриновъ, „навыворотъ“ представлено все то, что происходило и происходитъ въ дѣйствительности. Восточная Румелия создана берлинскимъ трактатомъ не изъ турецкихъ владѣній, а изъ Санъ-Стефанскаго Болгарскаго княжества; она не отторгнута отъ Порты, а напротивъ возвращена ей, предоставлена на полный произволъ ея. Такъ вотъ въ чомъ дѣло! Но позвольте, г-нъ Дриновъ, такъ вы говорите о Санъ-Стефанскомъ договорѣ и сравниваете съ нимъ трактатъ Берлинскій, я же говорилъ о трактатѣ Берлинскомъ и сравнивалъ его съ договоромъ Парижскимъ. Неужели вы полагаете серьезно, что я незнакомъ съ содержаніемъ Санъ-Стефанскаго мира, что мнѣ неизвѣстно какія обязательства налагалъ онъ на Порту по отношенію къ Болгаріи? Но вѣдь санъ-стефанскія условія, каковы бы они ни были, не были выполнены никогда, и сама Россія отеклась отъ нихъ, подписывая актъ Берлинскаго договора. И затѣмъ, Берлинскій договоръ, смятая нѣкоторыя условія Санъ-Стефанскаго мира въ пользу Турціи, развѣ не наложилъ на нее жертвы тяжолыя, тяжолыя уже потому, что онѣ были жертвы дѣйствительныя, а не бумажныя. Уменьшая размѣры Санъ-Стефанской Болгаріи, Берлинскій договоръ, какъ должно это быть хорошо извѣстно г. Дринову, увеличилъ за то территоріальныя уступки Сербіи, предоставилъ Боснію и Герцеговину Австріи, наложилъ на Порту обязательство уступить двѣ другія провинціи Греціи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Берлинскій договоръ пошолъ далѣе Санъ-Стефанскаго.

Гдѣ же, спрашиваю я, милости и дары, расточаемые этимъ договоромъ Портѣ? Кто, спрашиваю я далѣе, извратилъ въ данномъ случаѣ всѣ факты, представилъ все *навыворотъ*,—я или учоный министр-профессоръ? Всѣ условія Берлинскаго договора, клонившіяся въ пользу Турціи, выполнены, утверждаетъ г-нъ Дриновъ, ссылаясь при этомъ на возвращеніе Россіею Баязитскаго округа и Алашкертской долины, на очищеніе русскими войсками къ назначенному сроку восточной Румелии и княжества Болгарскаго, и т. д. Но развѣ я когда-нибудь утверждалъ, что Россія не выполнила своихъ обязательствъ по отношенію къ Турціи? Развѣ я доказывалъ, что условія Берлинскаго договора не выполнены были всѣми сторонами, за исключеніемъ одной Турціи? Я говорилъ лишь о болгарской дани и переводѣ части турецкаго долга. Г-нъ Дриновъ самъ соглашается съ нами, что условія эти выполнены не были, но развѣ, восклицаетъ онъ, можно занимать-

Отвѣтъ г-ну Дринову.

Въ 84 № газеты „Южный Край“ напечатано нѣсколько замѣтокъ г-на Дринова, бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ княжествѣ болгарскомъ, профессора харьковскаго университета, вызванныхъ моею статьею о послѣдней фазѣ восточнаго вопроса. Признаюсь, я взялся не безъ интереса за чтеніе этихъ замѣтокъ, думая найти въ нихъ дѣльную критику моихъ мнѣній, поправки и дополненія моихъ свѣдѣній изъ-подъ пера специалиста и знатока мѣстныхъ балканскихъ условій. Къ удивленію и прискорбію я не нашолъ въ замѣткахъ г-на Дринова ничего подобнаго, мнѣ пришлось читать взамѣнъ ихъ обвинительный актъ противъ себя, выслушать цѣлый рядъ самыхъ рѣзкихъ упрековъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ чомъ только не обвиняетъ меня г-нъ Дриновъ: и въ выворачиваніи фактовъ, и въ намѣренномъ искаженіи истины, и въ незнаніи дѣла, и въ непониманіи самыхъ простыхъ вещей, и въ отсутствіи патриотизма, и въ заимствованіяхъ изъ какихъ то шутовскихъ вѣнскихъ газетъ, о существованіи которыхъ я впервые услышалъ, впрочемъ, отъ г-на профессора и бывшаго министра, и въ кощунствѣ и т. д. и т. д. Но спрашивается: чѣмъ же навлекъ на себя авторъ „послѣдней фазы восточнаго вопроса“ такую массу бранчивыхъ обвиненій? Гдѣ кроется источникъ такого запальчиваго озлобленія г-на болгарскаго экс-министра?

Говоря объ отношеніяхъ державъ къ Турціи, выразившихся въ постановленіяхъ берлинскаго договора и въ способѣ ихъ выполненія, я утверждалъ между прочимъ, что договоръ налагалъ на Турцію тяжолыя условія,—что Порта *въ большинствѣ случаевъ* выполнила эти условія,—что ея сопротивленіе по другимъ пунктамъ вызвало протесты и вооруженныя демонстраціи державъ, и что на оборотъ Европа спокойно отнеслась къ невыполненію тѣхъ статей договора, которыя клонились въ